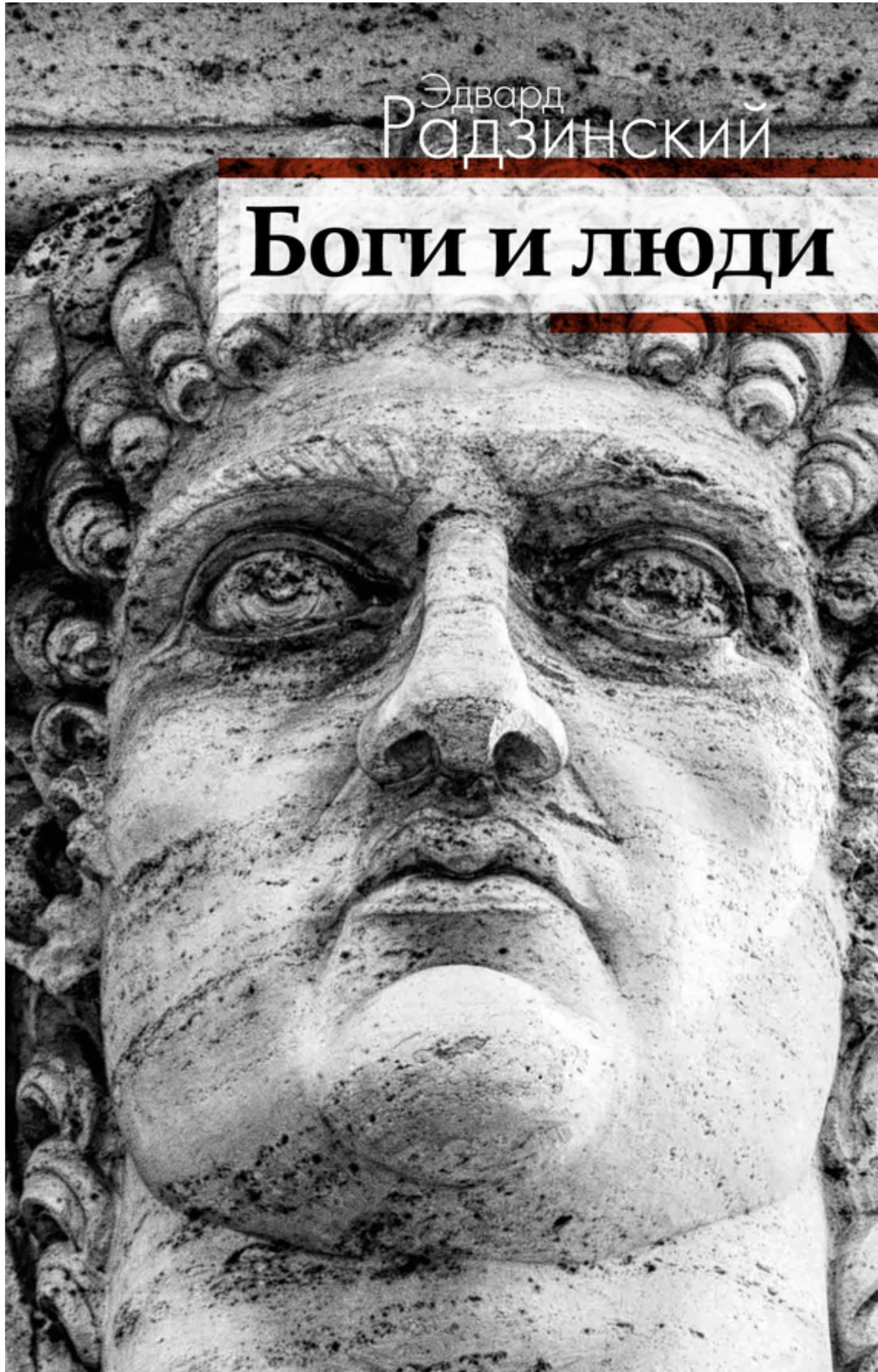

Эдвард
Радзинский

Боги и люди

Династия без грима

Эдвард Радзинский

Боги и люди

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

Боги и люди / Э. С. Радзинский — «Издательство АСТ»,
2016 — (Династия без грима)

ISBN 978-5-17-093844-5

«Пророки и безумцы, властители дум, земные боги... Тайна славы, загадки решений, менявшие судьбы мира, губительные молнии истории и, наконец, чертеж Господа в судьбах людей... Обо всем этом — в книге». Эдвард Радзинский

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093844-5

© Радзинский Э. С., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Театр времен Нерона и Сенеки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эдвард Радзинский

Боги и люди

© Радзинский Э.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Театр времен Нерона и Сенеки

Над цирком заходило жаркое солнце. Сквозь розовый шелк, натянутый над гигантским амфитеатром, тяжелые лучи падали на арену. Плавилась арена, усыпанная медными опилками, в розовом свете плыли статуи богов...

Посреди арены высился золотой крест. Под крестом горела золотом громадная бочка.

И в этом пылающем розово-золотом свете возник на арене прекрасный юноша. В золотом венце, в золотой тоге – совершеннейший Аполлон. Только вместо сладкозвучной кифары в руках Аполлона был бич.

И, бурно приветствуя этого странного Аполлона с бичом, понеслись крики толпы:

– Да здравствует цезарь Нерон!

– Ты наш отец, друг и брат, ты хороший сенатор, ты истинный цезарь!

Это были загадочные крики, ибо гигантский цирк был совершенно пуст.

Пустые мраморные скамьи амфитеатра сверкали в догорающем солнце.

Заходило солнце. В тени мраморного портика сидел старик. С тихой улыбкой старик смотрел вдаль – как тонул в сияющем озере солнечный диск. Безжизненная, морщинистая, похожая на срез дерева рука старика машинально мяла свиток.

Отряд преторианских гвардейцев спешил у виллы.

Сверкая доспехами, трибун Флавий Сильван ступил на мраморный пол.

Была ночь, когда носилки со стариком, окруженные эскортом гвардейцев, приблизились к Риму. Рим не спал в эту ночь. Толпы людей с факелами заполнили ночные улицы, грохотали колымаги, запряженные волами.

В колымагах над головами толпы раскачивались в огромных клетках львы, слоны, тигры, носороги... Грохот повозок, крики животных, улюлюканье людей.

Толпа преградила дорогу носилкам. Не открывая занавесей, старик слышал близкие голоса толпы:

– Тигр-то какой. у, тигрюга! Ишь, закрутился, как мышь в ночном горшке!..

– Льва приручил сам Эпиан. Говорят, он подарил такого льва Поппее Сабине и лев разглаживал ей морщинки языком. Чего хохочешь? Лев даже обедал вместе с нею за одним столом!

– Указальщик мест сгоняет меня и орет: «Эти места для сенаторов. для сенаторов!.. Так тебя разэтак!». Тогда я сажусь на крайнее место – три четверти зада у меня висит, то есть я как бы стою. Но четвертью задницы сижу – сижу на сенаторских местах!..

Старик слушал все эти крики и хохот толпы. Отвращение и грусть были на его лице.

– С дороги! Прочь! – гремел где-то рядом голос трибуна. Потом глухо ударили палки по человеческой плоти. Вопли избиваемых людей. И уже побежали рабы, и понеслись в римской ночи носилки. Туда, туда – где нависла над вечным городом громада нового цирка.

Сквозь орущую, гогочущую вокруг цирка толпу, сквозь когорты гвардейцев носилки со стариком проследовали внутрь цирка. Трибун помог старику сойти с носилок. Прямой, величественный и гордый, старик неторопливо вышел на арену.

В свете факелов, горящих на пустой арене, ждал его Аполлон с бичом.

Увидев старика, Аполлон бросился ему на грудь, обнял его. Это были какие-то яростные объятия. Он будто душил старика – и лихорадочно приговаривал, почти кричал:

– Сенека! Учитель! Сенека!..

– Нерон. Великий цезарь. – пытаюсь вырваться из этих жестоких объятий, бормотал старик.

Но Нерон сжимал его еще яростнее:

– Ну что ты. это для других я цезарь. А для тебя всего лишь твой послушный ученик Нерон.

Наконец Нерон выпустил Сенеку из объятий, будто оттолкнул. Потом с удивлением посмотрел на него. И, бесцеремонно приподняв край тоги, обнаружил тунику и шерстяной нагрудник

– Такая теплая ночь. А ты так укутался, учитель?

– Старость, Цезарь. Охладела кровь. И вечерами я надеваю две туники, обмотки на бедра. И все равно...

Но Сенека не закончил. Из тьмы на арену вышел могучий немолодой мужчина в тоге римского сенатора. За сенатором с серебряной лоханью в руках следовало некое прекрасное существо: грива спутанных волос, огромные глаза и нежное, тщедушное тело мальчика. Этаким Амур.

– Рад тебя видеть, сенатор Антоний Флав, – обратился Сенека к гиганту-сенатору.

Но сенатор смотрел на Сенеку невидящими глазами. Нерон с каким-то любопытством следил за сценой.

Возникла неловкая тишина, и Сенека неторопливо, величественно продолжал:

– Позволь мне приветствовать тебя, друг мой Антоний Флав, старинным приветом, которыми наши деды начинали свои наивные добрые письма: «Если ты здоров – это хорошо, а я – здоров».

И тогда Нерон поднял бич – и сенатор отчетливо заржал. Ужас – на лице Сенеки. Но только на мгновение. И вновь лицо его стало бесстрастным и спокойным.

– Ах, как повеяло нашей величавой римской древностью! – как-то светски заговорил Нерон. – Как они умели ухватить главное: «Если ты здоров – это хорошо». Именно – здоров, – Нерон усмехнулся, – то есть живой. Но одного не пойму, учитель. Почему ты все время обращаешься к сенатору Антонию Флаву? Где ты увидел здесь мудрого сенатора?

Сенека молчал.

– Может, ты видишь сенатора? – обратился Нерон к Амуру.

Амур, молча улыбаясь, удивленно пожал плечами и протянул серебряную лохань сенатору. Сенатор начал торопливо, неумело поедать овес из лохани.

– Ты ошибся, учитель, – продолжал благодушно болтать Нерон. – Антоний Флав – видный мужчина, его трудно не заметить. Да и что здесь делать твоему другу и солнцу мудрости – сенатору Антонию Флаву? Сейчас ночь, и он преспокойно храпит в своей постели. А здесь только я – твой ученик Нерон. – И, улыбаясь, он кивнул на Амура: – Да вот еще – прелестная девушка. И вот, – Нерон нежно улыбнулся и указал бичом на сенатора, – старый мерин.

И Нерон ударил бичом – сенатор торопливо заржал.

– Какой ужас, Цезарь, – воскликнул Амур, – ему на круп сел овод!

Нерон поднял бич, и сенатор показал, как он отгоняет хвостом овода.

– Отогнал, но очень неумело.

Нерон ударил сенатора бичом, и тот, будто винась, опять покорно заржал.

– Как я рад тебя видеть, – продолжал как ни в чем не бывало светски беседовать Нерон. – А как она рада тебя видеть...

И тотчас перед Сенекой дьяволенком запрыгал Амур.

– Ты, конечно, узнаешь это прелестное лицо? – добро улыбался Нерон.

– Конечно, я узнал его, Цезарь, – ответил Сенека. – Это твой раб – мальчик Спор. За время моего отсутствия в Риме он подрос – и оттого пороки на его лице стали откровеннее.

– Да что ж ты такое несешь, Сенека! – всплеснул руками Нерон. – Где ты увидел мальчика Спора?! Подойди сюда, крошка.

Амур с ужимками подошел вплотную к Сенеке.

– Неужто так ослабело твое зрение, – продолжал сокрушаться Нерон. – Да это же прелестная девушка! Вот – крохотная грудь. Вот – юные крепкие бедра. Ну?.. Ты видишь девушку? Я спрашиваю!

Сенека молчал.

Нерон поднял бич – и тотчас заржал сенатор.

Нерон темно усмехнулся:

– В последний раз, Сенека. Перед тобою старый конь и юная девица. Гляди внимательнее. Ты их видишь?

Глаза Нерона неподвижно смотрели на Сенеку. Но Сенека молчал по-прежнему. И тут Нерон добродушнейше расхохотался и обнял Сенеку.

– А все потому, что ты давно не бывал в столице. Заперся, понимаешь, в своих усадьбах. У, брюзгливый провинциал!.. Ну и в результате ты не в курсе последних римских событий. Но я все прощаю своему учителю. Объясняю. Помнишь, ты рассказывал мне в детстве, у горящего камелька, про превращения, про все эти метаморфозы, которые так любили устраивать великие боги. Ну, к примеру, для великого Юпитера превратить какую-нибудь нимфу в козу, в кипарис – что мне плюнуть! И знаешь, я задумался. Все-таки я Великий цезарь, земной бог. А почему бы мне не заняться тем же, следуя богам небесным? К примеру, у меня умерла жена Октавия. А хочется жену. Спрашивается: где взять?

– В женщинах так легко ошибиться, – вздохнул Амур.

– Именно, – подтвердил Нерон. – И тогда я совершаю метаморфозу. Я превращаю хорошо тебе знакомого мальчика Спора в девицу! Грандиозно, да? Как я это сделал? Я собрал наш великий законодательный орган – нашу гордость и славу – римский сенат. И сенат единогласно постановил. – Он вопросительно посмотрел на Амура.

– Считать меня девушкой, – восторженно закончил Амур.

– На днях я женюсь на нем, – скромно сказал Нерон, – то есть прости... на ней! Гениально? Да здравствует сенат! Речь! – завопил Нерон.

И он ударил бичом. И сенатор величаво выступил вперед. Стараясь не встречаться глазами с Сенекой, он патетически начал:

– Можно сжечь Рим, можно разрушить его дома. И все-таки Рим устоит! Ибо не камнями домов славен наш город! А свободой и законами, олицетворенными в нашем древнем сенате. Жив римский народ – пока жив сенат!

– Каков жеребец! – восторженно захолопал Нерон.

Амур подхватил аплодисменты. И вслед откуда-то из-под земли раздались приветственные крики.

– Это тоже моя метаморфоза: я превратил солнце мудрости – сенатора Антония Флава в коня! Теперь у меня в стойле сразу жеребец и сенатор. Я улучшил породу. И потому я прозвал этого мерина Цицерон, в память о другом твоём любимце.

Усмехаясь, Нерон неотрывно глядел в глаза Сенеки. Но ничто не дрогнуло в лице старика.

– Но я продолжил метаморфозы. Заметь, ты не отгадал уже две! А ведь я все считаю, учитель. Так что постарайся угадать мою третью.

И Нерон ударил бичом. И тотчас в середине арены, там, где находилась пегма – квадрат, покрытый досками, – произошло движение. Доски вдруг поднялись, как лепестки распутившегося цветка. И среди них из-под земли медленно выростала прекрасная нагая девушка. В золотой раковине в свете факелов она возникла на мерцающей арене – как та богиня из пены

вод. И вослед этой явившейся Венере страшно неслись из-под земли озлобленные, угрожающие крики и гогот.

Нерон воздел руки в немом восторге. Амур схватил невидимый лук и выпустил невидимую стрелу в грудь Нерона. Как бы пораженный стрелой, Нерон схватился за сердце. А Венера, будто обессиленная своим рождением, лениво покачивая бедрами, шла-плыла по арене.

– Непроворна? – зашептал Нерон Сенеке. – Она побывала в трудном сражении – там. – И Нерон указал вниз, откуда неслись крики.

Амур захохотал.

– Ах да, прости, учитель, ты ведь не знаешь, что у нас там. – И, обняв Сенеку, Нерон поволок его к центру арены.

В глубине под досками оказалась решетка. Под решеткой открывалась подземная галерея. Она шла вправо и влево. В левой ее части был сад. К деревьям, увешанным фруктами, привязано было множество щебечущих птиц...

– Под садом – машины, – шептал Нерон. – Завтра они в мгновение поднимут этот сад на арену. И наше быдло, прости, великий римский народ, набросится на даровые плоды, давя друг друга. Но это будет в перерыве. Когда проголодаются. А сначала. Смотри, смотри туда, праведник!..

С другой стороны галереи открывалась длинная полость – большая подземная цирковая зала, куда обычно крючьями стаскивают трупы с арены. Сейчас большая зала была великолепно убрана. Курились благовония, горели масляные лампы. Бесконечный пиршественный стол, уставленный фантастическими яствами, уходил во тьму. Вокруг стола на ложах, церемонно опершись о левую руку, возлежали молодые мужчины и женщины. Рабы торопливо сновали между ложами, наливая вино в кубки.

– Это убойные люди, – зашептал Нерон, прижимая голову Сенеки к решетке. – Ты хоть знаешь, что будет завтра?.. Почему не спит Рим?

– Я не знаю, Цезарь, что будет завтра, – равнодушно ответил Сенека.

– Да, да, конечно, ты выше суеты, и все мирское тебе чуждо. Завтра в Риме я открываю этот цирк. Не хочу хвастать, ты и сам видишь – это величайший цирк.

Нерон уже волок Сенеку по арене к мрачному зданию, находившемуся против императорской ложи. Тринадцать огромных дверей здания были обращены на арену.

Нерон открыл маленькое окошечко в самой большой двери и, прижав голову Сенеки к решеточке, провозгласил:

– Бег колесниц!

Красавцы кони стояли в стойлах. Крайнее – мраморное – стойло оставалось пустым.

– Ты догадался, для кого этот драгоценный мрамор? – шептал Нерон. И грозно обернулся на сенатора. Сенатор торопливо заржал. – Его дом!

Рыканье львов, трубные крики слонов раздавались в ночи за другими закрытыми дверями.

– Слышишь, слышишь, как они голодны?.. Грандиозно? – Нерон уже волок Сенеку обратно в центр арены. – Ну естественно, сенат постановил назвать в мою честь завтрашние игры Нерониями. По-моему, удачное постановление.

И он опять пригнул голову старика к решетке. И опять Сенека увидел чудовищное подземелье.

– Эти ребята, – шептал Нерон, – завтра откроют мои Неронии. Эти миляги утром выйдут сюда, на арену, сразиться с теми дикими зверями и будут разорваны в клочья, а уцелевшие убьют друг друга в бою... Но погляди, как они сейчас веселятся!

Крики восторга, визги женщин неслись сквозь решетку.

– Я велел им дать, – усмехнулся Нерон, – самые тонкие яства. Они пьют вино вволю и жрут от пуза. Смотри, что они выделывают со шлюхами! Заметь, это самые дорогие рим-

ские девки. Ты погляди, какие утонченности! Кстати, эти гладиаторы тоже одна из моих метаморфоз. Я превратил завтрашних убойных людей в царей на одну ночь. И видишь – хохочут. Счастливы. Забыли о завтра. А мы с тобой глядим на них сверху.

– А в это время на нас, предающихся забавам, тоже глядят сверху.

– Да, да, и тоже. смеются? – подмигнул Нерон.

– Что делать, Цезарь, – равнодушно ответил Сенека, – у нас с этими одна участь. Только у этих – утром, а у нас. чуть позже.

– Как мудро! – Нерон улыбнулся. – Чуть позже. Ах, как ты удачно сказал! Запомни эти свои слова, Сенека. Значит, чуть позже?

И Нерон добавил, лаская Венеру:

– Вот откуда ты пришла. Ну расскажи нам, девка, как ты достойно сражалась там, внизу. И, раскачивая бедрами, Венера начала показывать свою битву.

– Прости, – засмеялся Нерон, – она не умеет словами. Она так прекрасна, что ее сразу заставляют действовать. И она попросту разучилась говорить!

И Венера, смеясь, продолжала свою похотливую пантомиму.

– Но вот я, земной бог, велю ей. – сумрачно сказал Нерон.

И Венера остановилась как вкопанная. Застыла в немой величественной позе – теперь она вся была гордость и неприступность.

– Метаморфоза! – вскричал Нерон. – Она превратилась!.. Кто перед тобою сейчас, учитель? Ну? Узнал?

– Передо мною шлюха, Цезарь, – ответил Сенека.

– Да у тебя очень плохо со зрением, Сенека. Ну что ж, будем намекать. Кто самые целомудренные женщины в Риме? Ты ответишь: жрицы богини Весты, ибо они дали обет вечного целомудрия. А кто из этих целомудренниц самая целомудренная? Естественно, скажешь ты, Верховная жрица, несравненная дева Рубирия: ей двадцать пять лет, она прекрасна и не познала ни одного мужчины. Значит, перед тобою кто, Сенека? Ну?!

– Я с рождения знаю непорочную деву Рубирию из великого рода Сабинов. А передо мною – все та же шлюха.

– Этот гадкий провинциал абсолютно не в курсе нашей римской жизни, – вздохнул Нерон, обращаясь к Амуру. И, обняв Сенеку так, что старик опять задохнулся в его объятиях, Нерон благожелательно пояснил: – Эту самую непорочную деву Рубирию, которую ты знал с рождения, я, попросту говоря, изнасиловал, прости за откровенность... Ну изнасиловал – и все дела! Но ты учил меня: цезарь всегда должен радеть о нуждах своего народа! Не могут же эти болваны римляне остаться без символа целомудрия! А слухи ползут, в городе ропот. Как быть?

Амур сделал сочувственное лицо:

– Я собираю.

Сенатор с готовностью заржал.

– Да, собираю наш великий сенат, – подтвердил Нерон. – И сенат издает постановление – считать изнасилованную Рубирию. девушкой! Все тут же успокоились? Довольны? Ни черта подобного! Беда римлян – они абсолютно лишены чувства юмора. Эта самая Рубирия. которую уже опять все считали целомудренной, удавилась! Что делаю я? Метаморфозу! Я тотчас вспоминаю твое учение о единстве противоположностей в природе. И начинаю думать: кто же в Риме может стать самой целомудренной женщиной?..

Амур хохочет – и выталкивает вперед Венеру.

– Да, да, – вздохнул Нерон, – на днях соберется сенат и примет закон: считать эту тварь Верховной жрицей богини Весты! Символом целомудрия! Фантастика, да?

– Зачем ты позвал меня в Рим, Великий цезарь? – спросил Сенека.

– Все-таки не выдержал, спросил, – усмехнулся Нерон. Он приник лицом к лицу Сенеки и зашептал: – Когда тебя поволок в Рим мой трибун – била дрожь? Вон сколько на себя напялил

– а все равно знобило?.. – И, оттолкнув Сенеку, добавил совсем добродушно: – А ты сам не догадываешься? Я тоскую по тебе. а ты нас не любишь! Не хочешь даже поиграть с нами в метаморфозы. – И тут Нерон остановился, воздел руки к небу и закричал патетически: – Какие метаморфозы?! Как я мог забыть?! О боги, я, хозяин, до сих пор не позаботился накормить дорогого гостя!

Амур тотчас выхватил у сенатора серебряную лохань с овсом и бросился к Сенеке.

– Идиот! – закричал Нерон. – Что такое еда для философа? Это умная беседа! – И Нерон величественно приказал Амуру: – Немедленно привести сюда четырех самых мудрых собеседников Сенеки!

Амур выхватил из темноты свиток и приготовился записывать.

– Прежде всего, конечно, сенатора Антония Флава. Ой, прости, сенатора Флава нельзя: он превратился в лошадь.

Раздался нежный смех Венеры.

– Да, да... Но зато трое других – они остались! – продолжал Нерон. – Немедля послать за тремя неразлучными друзьями мудрейшего Сенеки – сенатором Пизоном... сладкоречивым консулом Латераном... Ну и, естественно, за Луканом, нашим величайшим римским поэтом Луканом. Ах, любимец Рима.

– Душка Лукан, – в восторге щебетал Амур.

– Не следует их тревожить, – прервал Сенека. – Эти почтенные и немолодые люди давно спят.

Нерон залился добрым смехом:

– Как ты сказал: давно спят? Опять удачная фраза! Что ты, Сенека, какой сегодня сон? Ты же сам видел – толпа. грохот повозок. Где уж тут заснуть! Любимые сограждане с вечера толкуются у цирка. Чтобы первыми с утра занять лучшие даровые места. Они так орут, что я трижды посылал когорта разгонять эту сволочь. прости, великий римский народ. Сколько их завтра здесь соберется! Знаешь, Сенека, говорят, цезарь Кай, когда дикие звери пожрали на арене всех убойных людей и все равно не могли насытиться, приказал бросить на арену наших замечательных сограждан. Их выдергивали прямо из рядов. Прости, тебе неприятно. Но ты не беспокойся, у нас завтра этой проблемы не будет, – он указал на подземелье, – мяса хватит на всех!.. Что ты стоишь? – грозно обратился Нерон к Амуру. – Друзья Сенеки будут просто счастливы обменять эту бессонную ночь на беседу с мудрейшим из римлян. Зови их, и побыстрее, ягодка моя.

И Амур, перевернувшись колесом, исчез в темноте главного входа.

– Да, значит, зачем я позвал тебя в Рим? – добродушно спохватился Нерон. – Просить вернуться. Мне так одиноко. Я устал от Тигеллина. От проклятого кровожадного Тигеллина. Ну почему ты не хочешь жить с нами в Риме?

– Прости, Великий цезарь, но для меня здесь нет покоя. На рассвете меня будит противный крик менял. Чуть сомкнешь глаза – начинает бить кузнечный молот. А воздух? Чем мы тут дышим? Дымом кухонь! А Тибр? Там же плавает невесть что! И теперь, когда я живу на природе среди незамутненных ручьев.

И тут Сенека столкнулся глазами с сенатором, уныло поедавшим овес из лохани. И красноречие его иссякло.

– Отвечу! – закричал Нерон. – Да, загрязняем реки, да, портим природу, да, шумим! Но зато, учитель, мы живем с тобой в просвещеннейший из веков. Если бы наши деды увидели, к примеру, стекла наших домов, через которые проходит свет.

Он поволол Сенеку к центру арены, туда, где решетка покрывала застекленное отверстие. Сквозь решетку был виден страшный пир – яростное непотребное веселье.

– Грандиозно, – шептал Нерон. – А деды-то прозябали во тьме! Или это последнее наше изобретение – трубы, вделанные в стены, по которым само идет тепло, так что в доме можно зимой жить как летом... А изобретение стенографии? Так что руки теперь поспевают за проворством языка!..

На арену торжественно вышел Амур.

– Сенатор Пизон... – начал Амур. и замолчал.

– Слышу его шаги! – радостно закричал Нерон. – Пизон уже спешит прервать мои докучные речи! Почему ты молчишь, любимая?

Но Амур только скорбно опустил голову. И сенатор, пряча глаза, заржал.

– Заржала лошадь – плохое предзнаменование, – запричитал Нерон. – И хотя Сенека учил меня не верить предзнаменованиям, я трепещу.

– Мы послали за сенатором Пизоном трибуна Флавия Сильвана с гвардейцами. – начал Амур.

– Ну! Ну! – в ужасе торопил Нерон.

– Трибун подошел к его дому. Постучал. Но сенатор Пизон, услышав этот стук, немедля позвал своего хирурга – и вскрыл себе вены.

– Как?! Почему?! – всплеснул руками Нерон.

– Неизвестно, Цезарь. Сенатор Пизон оставил завещание, где все имущество завещал тебе, Великий цезарь.

– Какая неожиданная смерть! Пизон! Великий богач! Великий мудрец!.. Осиротели!

Сенека бесстрастно слушал его вопли.

– Нет, я разделяю твою горе, учитель: один друг превратился в лошадь, другой зарезался!

– Но осталось еще двое в этом союзе мудрецов, – робко подал голос Амур.

– Немедля послать за ними трибуна Флавия Сильвана с гвардейцами! И разбудить Тигеллина! Где Тигеллин?! Где начальник тайной полиции?! В городе режутся сенаторы.

– За Тигеллином будет послано, Цезарь, – сказал Амур.

– Тигеллин расследует. – забормотал Нерон. – Вот придет Тигеллин. – И тут Нерон остановился и добавил добродушно: – Да, зачем я позвал тебя в Рим?.. Ну естественно, чтобы узнать: не нуждается ли в чем мой старый учитель?

– Ты осыпал меня такими милостями, – спокойно отвечал Сенека, – что моему счастью не хватает только одного – меры. С тех пор как я удалился от дел, я живу в пожалованных тобою поместьях.

– Да, да, – бормотал Нерон.

– И хотя дух мой, – продолжал Сенека, – всегда удовлетворялся немногим, но поместья мои благодаря твоей милости...

– Да, да, бескрайни. И, говорят, приносят огромные доходы? – продолжал бормотать Нерон.

– Вот это особенно меня печалит. Я учу воздержанию и умеренности, а сам купаюсь в роскоши. И как, обессилев в походе, я стал бы просить тебя о поддержке, так теперь, достигнув старости и не имея сил нести бремя богатства, прошу лишь об одном: возьми назад пожалованное тобою.

Визги и крики неслись из подземелья. Нерон бросился к решетке, заглянул вниз.

– Гениально! – И обратился к Сенеке: – Прости. Как сладостна твоя речь! Но тем, что без запинки смогу тебе возразить, я ведь тебе обязан. Ты научил меня всему, в том числе и ораторскому искусству. Неужели воспитание цезаря не заслуживает жалкого десятка вилл? Любой спекулянт у нас имеет больше! Нет, Сенека, я еще не расплатился с тобой как должно! – И, обняв Сенеку и прохаживаясь с ним по арене, Нерон добродушно говорил: – Помнишь, в дни юности, у камелька, ты рассказал мне, как некий философ взялся воспитывать ученика? Когда же пришла пора расплачиваться, ученик не заплатил. Философ повел ученика к судье.

И ученик объяснил: «Этот философ обещал научить меня добродетели. Я не заплатил ему. Следовательно, нагло обманул. Следовательно, я бесчестен. Следовательно, он ничему меня не научил! А можно ли платить за ничто?» Грандиозно? Умение правильно оценить труд – черта богов и мудрых властителей. Так учил меня ты. – И Нерон приблизил лицо к лицу Сенеки и зашептал: – Я позвал тебя в Рим, чтобы по справедливости расплатиться с тобой.

Из тьмы на арену выпрыгнул Амур.

– Консул Латеран. – торжественно начал Амур и замолчал.

– Наконец-то! Консул Латеран! Его шаги! Сейчас он усладит тоскующий слух Сенеки!.. –

И тут Нерон взглянул на Амура и в ужасе прошептал: – Ты молчишь?

Сенатор заржал.

– Нет! Нет! – патетически кричал Нерон.

– Трибун Флавий Сильван подошел к его дому, – начал Амур, – но Латеран уже позвал хирурга. И когда трибун постучал в дом почтенного консула – Латеран перерезал себе вены.

– Да что они, взбесились?! Какой ужас! И этот мудрец сбежал от нас!

– Но все имущество Латеран завещал тебе, Великий цезарь.

– Немедленно послать... – начал Нерон.

– Трибуна Флавия Сильвана... – продолжал Амур.

– За поэтом Луканом! – кричал Нерон. – За последним из мудрецов! Теперь он нам особенно желанен.

Амур потрепал сенатора по воображаемой холке и подсыпал ему овса в лохань.

– За то, что хорошо предсказываешь римских мертвецов, – засмеялся Амур и исчез с арены.

– Где этот чертов Тигеллин?! – неистовствовал Нерон. – Лучшие люди Рима режутся друг за другом!.. Крепись, Сенека! Вот придет Тигеллин.

Сенека хранил невозмутимое молчание.

– Ах, Сенека, – продолжал Нерон, – ушли безвременно два мудрейших гражданина. Но, я вижу, ты спокоен, ты никогда не боялся смерти, не так ли?

– Именно так, Цезарь.

– Да, да. Сколько раз ты беседовал со мной о бренности жизни. Ах, старые, добрые времена детства! Я так порой жажду твоих поучений. Так страшно умирать! Так прекрасны краски мира. В мире столько миленьких вещей.

Они стояли в свете факелов посреди арены и неторопливо беседовали.

– Да, краски мира прекрасны, но и они не наши. И сколько ни есть вещей в этом мире, все они чужие. Природа обыскивает нас и при входе, и при выходе. Голыми пришли, голыми уходим. И нельзя вынести отсюда больше, чем принес, – мерно звучал в темноте голос Сенеки.

– Как грустно. Как страшно будет умирать! – И Нерон внимательно посмотрел на Сенеку.

– Кто сказал, Цезарь, что умирать страшно? Разве кто-то возвратился оттуда? – усмехнулся старик. – Почему же ты боишься того, о чем не знаешь? Не лучше ли понять намеки неба? Заметь: со всех сторон в этом мире нас преследуют – то дыхание болезней, то ярость зверей и людей. Со всех сторон нас будто гонят отсюда прочь. Так бывает лишь с теми, кто живет не у себя. Почему же тебе страшно возвращаться из гостей домой?

Нерон восторженно кивал в такт словам Сенеки, когда на арену выскочил Амур.

– Наконец-то! – воскликнул Нерон. – Солнце римской поэзии! Я слышу! Это его легкая поступь. Раскроем объятия поэту Лукану...

Но Амур безмолвствовал. Сенатор заржал.

– Как, и этот?.. – пробормотал Нерон.

Он отвернулся. Тело его задрожало от беззвучного смеха. Нерон начал хохотать. Он хохотал во все горло. Его распирало, корежило от смеха.

– Прости, Сенека. Я все понимаю. Но очень смешно. И Лукан позвал.
– Позвал хирурга, – трясся от хохота Амур.
– И велел вскрыть себе вены. А имущество. – погибал от смеха Нерон.
– Тебе. тебе, Великий цезарь! – катался от смеха по арене Амур. И Венера тоже смеялась
– звонко и нежно, как колокольчик.

– Довольно, – вдруг коротко приказал Нерон.
И смех будто смыло. Наступила тишина. Нерон сумрачно глядел на Сенеку.
– Вот видишь, учитель, как осторожно надо выражаться. Ты сказал: «Они давно спят».
И боги подстерегли твои слова – и получился каламбур. Как грустно. Где этот Тигеллин?

– Тигеллин приближается, Цезарь.
– Вот придет Тигеллин. Ну что же делать?! Кто из оставшихся в живых римлян сможет
достойно беседовать с Сенекой?

Амур опустил глаза долу, пораженный грандиозностью вопроса. В тишине трещали
факелы.

И тогда Нерон объявил:
– Я уверен, только один – сам Сенека! – И, не спуская глаз с Сенеки, Нерон приказал: –
Немедленно послать за философом Сенекой.

Сенека был невозмутим.
– Будет исполнено, Цезарь, я пошлю трибуна Флавия Сильвана за философом Сенекой.
И Амур вприпрыжку исчез в темноте.

– Какая страшная ночь! Как много крови. – бормотал Нерон. И добавил благодушно: –
Но мы прервались. Как прекрасно ты говорил о презрении к смерти. Продолжай, учитель.

– С удовольствием. Вспомни, как ты родился. как вытолкало тебя из утробы в мир вели-
чайшее усилие матери.

– Мама. Бедная мама. – зашептал Нерон, прикивая к груди Сенеки.
– Ты закричал от прикосновения жестких рук, почувяв страх перед неведомым. Почему
же потом, – продолжал Сенека, – когда мы готовимся предстать перед другим неведомым и
покидаем теплую утробу мира, почему мы так боимся?

– Сладостна... сладостна твоя речь. – Нерон стонал от восторга.
– Девять месяцев готовится нас утроба матери для жизни в этом мире. Почему же
мы не понимаем, что весь срок нашей жизни от младенчества до старости мы тоже зреем для
какого-то нового рождения?

Амур с факелом выскочил на арену.
– Сенека! Спешит к нам! Его шаги! – закричал Нерон.
– Сенека. – начал Амур и умолк.
Сенатор заржал.
– Как?.. И Сенека?! – воскликнул Нерон.
Амур печально молчал.
– Ну, знаешь!.. Это даже не смешно!
– Трибун с гвардейцами подошли к дому Сенеки, – докладывал Амур. – И тогда философ
собрал всех своих учеников. Потом Сенека погрузился в ванну. И в ванне сам перерезал себе
вены. Истекая кровью и беседуя с учениками, философ Сенека испустил дух.
– Величавый конец, достойный Сенеки, который никогда не страшился смерти! – торже-
ственно сказал Нерон.
– Сейчас я рассказал об этом в толпе у цирка. Теперь о смерти Сенеки говорит весь Рим, –
закончил Амур.

– Как все призрачно, учитель. Этот мир – череда метаморфоз, не более. Где мальчик Спор, а где юная девица? Где сенатор, а где конь?.. Вот ты стоишь здесь живой, а о твоей смерти уже болтает весь город. – Нерон был ужасен. Страдание изуродовало его лицо, и в глазах его были слезы. настоящие слезы. – Потому что совершилась моя последняя метаморфоза. Пока ты беседовал здесь живой – я превратил тебя в мертвеца, учитель!

– Это и была твоя плата? За этим меня позвал в Рим Великий цезарь? – по-прежнему невозмутимо спросил Сенека.

– Короче, как ты умер для истории, мы выяснили. Теперь остается решить, как ты умрешь на самом деле. Стоп!.. Прости! Есть еще один вопрос: за что ты умрешь? За какую вину? – И Нерон расхохотался. – Да что ж это мы все о смерти да о смерти! Поговорим-ка лучше о чем-нибудь веселом. Ну хотя бы о завтрашнем дне. Представляешь, утром весь Рим будет обсуждать смерть Латерана, Пизона, Лукана. Ну и, конечно, твою смерть.

– Как их будут жалеть! – вздохнул Амур.

– Нет, больше будут радоваться. Что сами живы, – усмехнулся Нерон. – Так уж устроены смертные. Ну а к полудню про вас забудут. Потому что начнутся Великие Неронии. Интересовать будет только бег колесниц!

Нерон ударил бичом.

И с гиканьем и хохотом Амур погнал по арене сенатора – запрягать его в золотую колесницу.

– После бега колесниц я задумал великие битвы животных. – И Нерон опять ударил бичом.

И в мрачном здании на краю арены распахнулись все двери. И в свете факелов в огромных клетках яростно забегали голодные звери. И в ответ на крики зверей из подземелья понеслись вопли людей...

– Слон сразится с носорогом. – перекрикивал Нерон вакханалию звуков, – лев – с тигром. Рев толпы в подземелье все нарастал.

– Да! Да! – в восторге кричал Нерон. – И тогда на арену выйдут они, наши миляги, убойные люди! Речь! Цицерон!

Запряженный в колесницу сенатор патетически начал речь:

– О зрелище битвы на арене! Смотрите: вот побежденный гладиатор сам подставляет горло победившему врагу. Вот он выхватывает меч, дрогнувший в руке победителя, чтобы бестрепетно вонзить его в себя. Презрение к смерти и жажда жизни – вот что такое гладиаторский бой!

И сенатор заржал. Амур и Венера бешено аплодировали.

– Какое все-таки замечательное искусство наше римское сенаторское красноречие! – вздохнул Нерон. – Что там еще у нас ожидается завтра? Живые картины из жизни богов и героев! Это, как всегда, будет в центре внимания публики. Сначала покажем прелюбодеяние супруги царя Крита Пасифаи с быком, посланным Посейдоном. Этот номер особенно ценят наши римские зрители.

Нерон взглянул на Венеру. И Венера подошла к клетке, где стоял огромный черный бык с золотыми рогами. С нежным призывным воркующим смехом Венера посылала быку воздушные поцелуи.

– Кстати, после исполнения этой шлюхой роли Пасифаи я соберу сенат.

Сенатор с готовностью заржал.

– Да, да, единогласно! И эта девка займет место Рубирии, символа нашего целомудрия, – нежно улыбнулся Нерон. – Ну а потом, после живой картины любви, мы покажем живую картину героизма – «Мучения Прометей». Это будет центром всего зрелища. Сначала я сам прочту бессмертную трагедию Эсхила «Прикованный Прометей». А в это время Прометей, укравшего у богов огонь для людей и научившего нас всем искусствам, будут мучить. – Нерон

дружески обнял Сенеку. – И вот здесь я хочу с тобой посоветоваться, учитель. Сначала я задумал мучить согласно преданиям: соорудить на арене скалу, приковать к ней Прометея и так далее, по традиции. Но в скале сейчас есть что-то старомодное. Мучения Прометея должны быть жизненны. Поэтому я придумал: мы распнем Прометея по-современному, – он величественно указал на золотой крест, – на кресте! Грандиозно?! Ну, после распятия и моего чтения на глазах ста тысяч восторженных зрителей Прометей начнет терпеть свои великие муки...

И тотчас деловито вступил Амур:

– Гефест проткнет ему тело шилом железным. Потом дрессированный ворон будет клевать печень.

Факел выхватил из темноты громадного ворона, сидевшего под крестом на цепочке.

– И вот тут-то и возникает главное затруднение. – И Нерон совсем дружески обнял Сенеку. – Кого взять на роль Прометея? Назначить из них? – Нерон указал на подземелье. – Не тот эффект!.. Я ведь и сам-то пытался исполнить роль Прометея. Правда, всего лишь на сцене. Помню, надел огромные котурны, чтоб быть всех выше. И тут актер Мнестр – великий был актер – он... – Нерон замешкался и взглянул на Амура.

– Перерезал себе вены, – напомнил Амур.

– Ах, Мнестр, бедный. Вот этот Мнестр, – болтал Нерон, – мне и говорит: «Ты хочешь сыграть Прометея высоким, а он был великим». Величие – вот ключ. Понимаешь, придется не только терпеть боль на глазах тысяч, но при этом еще оставаться богом – то есть терпеть мужественно, величаво. – И Нерон приткнулся к лицу Сенеки. – Кто сможет?

И на мгновение, на одно мгновение лицо Сенеки дрогнуло. И Нерон засмеялся и, оттолкнув Сенеку, продолжал болтать, болтать:

– Кстати, о богах. Я совсем забыл главную живую картину Нероний – это когда в цирке появляется земной бог – я!

И Нерон вскочил в золотую колесницу. И ударил бичом. Амур взял сенатора под воображаемые узды. И колесница с Нероном медленно тронулась по арене.

– Римляне от всей души приветствуют своего цезаря согласно установленному сенатором регламенту! – провозгласил Нерон и хлестнул бичом сенатора.

– Когда цезарь вступит в цирк, – пронзительно закричал сенатор, – с первой трибуны прокричат шестьдесят раз: «Цезарь, да сохраняют тебя боги для нас!!!»

И сенатор, с трудом волоча золотую колесницу, безостановочно заорал:

– Да сохраняют тебя боги для нас!!!

– Ну полно... полно, – говорил Нерон, скромно отмахиваясь рукой от приветствий.

Сенатор послушно замолчал.

– Продолжай, идиот, – прошептал сквозь зубы Нерон. И сенатор завопил с прежним воодушевлением:

– После чего с другой трибуны прокричат: «Мы всегда желали такого цезаря, как ты!!!» – сорок раз! А потом со всех трибун вместе «Ты наш цезарь, наш отец, друг и брат. Ты хороший сенатор и истинный цезарь!!!» – восемьдесят раз.

Нерон ласково кланялся пустым трибунам. Амур аплодировал. Венера, будто в экстазе, подхватила овации.

– Да, да, – шептал Нерон. – И вот тут-то начнутся аплодисменты. Ах, как я люблю аплодисменты! Ты не актер, Сенека, не понять тебе эту радость оваций! Ах, ласкающий самое сердце звук! Ну а потом.

Теперь Нерон сидел в императорской ложе. Сенека по-прежнему стоял внизу на арене. Венера и Амур бесконечно аплодировали, а сенатор, запряженный в колесницу, вопил свои приветствия.

– Да, да. – счастливо смеялся в ложе Нерон. – Я занял свое место и все вслушиваюсь, вслушиваюсь в эти сладостные звуки. И вот тут ко мне подходят, точнее, должны были подойти, четверо. Четверо твоих несравненных мудрейших друзей: сенатор Антоний Флав, консул Латеран, сенатор Пизон и поэт Лукан. А я все млею от оваций. И тогда сенатор Пизон в поклоне обнимает – точнее, должен был обнять – мои колени. А в это время великий Лукан передает мне их послание. Я, наивный человек, разворачиваю свиток, читаю. – Нерон развернул воображаемый свиток. – И тогда консул Латеран наваливается на меня сзади, хватая за руки. А сенатор Антоний Флав, твой четвертый друг, бьет меня ножом в сердце. – И Нерон выхватил нож из-под золотой тоги.

Сенатор в ужасе заржал и поволок прочь по арене золотую колесницу. В одно мгновение Нерон был на арене. Он схватил за горло сенатора.

– Нет, – вопил Нерон, – ты больше не Цицерон!! Ты вновь ублюдок – сенатор Антоний Флав, решивший убить своего цезаря! Ну, покажи нам, как ты хотел это сделать! – В бешенстве он засовывал нож в руки сенатора. – Коли меня! – Он разорвал на себе тогу. – Ну, бей меня! Никого нет! Только Сенека! Ваш друг Сенека, которого вы мечтали сделать правителем Рима! Он тоже поддержит! Пристукнет сзади ученика!.. Ну, смелее, мразь! – визжал Нерон, подставляя грудь под нож.

И тогда сенатор упал на колени и отбросил нож в сторону... Заржал.

– И это современный Брут, – усмехнулся Нерон. – О жалкий век! – И совершенно спокойно обратился к Сенеке: – Вчера на рассвете мне донесли о заговоре. Как ты думаешь, что сделал я, учитель?

– Я несведущ в подобных делах, и мне не отгадать, что сделал Великий цезарь, – невозмутимо ответил Сенека.

– Самым естественным было бы всех их за решетку, – радостно предположил Амур.

– Да, так поступили бы все прежние цезари, – благосклонно улыбнулся Нерон. – Но не я. Я знаю свой век. В наше время не нужно усилий: достаточно сделать так, чтобы заговорщики сами узнали, что заговор раскрыт. Ну, в прежние времена, конечно, сразу бы что-нибудь предприняли: выступили бы первыми или попросту сбежали. Но не ныне!.. Ныне они заперлись в своих домах и начали ждать, подставив шеи под приближающийся топор. Они улеглись в своих роскошных ваннах и позвали хирургов. Ты свидетель, Сенека: я только посылал к ним трибуна! И они поспешно резали свои тела, не забывая угодливо завещать имущество мне – своему убийце! Чтобы я не преследовал их жалкое потомство. – И он приблизил безумные глаза к глазам Сенеки. – Потому что этим городом давно правлю не я и не великие боги. А страх! И в этом городе страха давно перевелись люди. Осталось только мясо и кости людей. – Он засмеялся и объявил: – Мясо и кости сенатора Флава!

И сенатор, захлебываясь слезами и страхом, пополз к ногам Нерона.

– Когда его схватили, палач в ожидании прихода моего верного Тигеллина выложил перед ним свои орудия. Ну, что он там выложил? – И Нерон шаловливо-величественно поднял с арены кол. – Вот эта штучка так легко дырявит тело. И, пройдя насквозь, сладко щекочет гортань. – Нерон шутливо подбросил ногой кверху «зажим». – А эта – с хрустом давит суставы. И мясо и кости сенатора Флава обнимали мои колени, умоляя сделать с ним что угодно, только не отдавать его Тигеллину! Я смилостивился. Оставил его в живых, превратив гордого сенатора в ржущего жеребца. Но не все ли равно, как называться мясу и костям?! Вот те, с кем ты был в заговоре, учитель! Что молчишь? – истерически, почти рыдая, кричал Нерон.

Амур подскочил к Сенеке с ворохом свитков. Он тыкал ему в лицо свитками. А Нерон продолжал орать:

– Это твои письма! У всех заговорщиков мы нашли твои письма! Где ты поливал грязью своего цезаря! – Он задыхался и вопил, уже обращаясь к Амуру: – Он писал их к некоему Луцилию!

Думал замести следы, старая лиса, – визжал Амур. Нерон схватил Сенеку за горло:
– Ты был с ними в заговоре? Отвечай! Отвечай!.. Мясо и кости Антония Флава – на очную ставку!

Сенатор попытался уткнуться лицом в опилки арены. Но крохотный Амур рывком за волосы поднял огромную голову сенатора.

– Он был с вами в заговоре? Ну, Цицерон! – кричал Нерон, избивая сенатора бичом. – Этот Сенека... старая рухлядь, которую я осыпал благодеяниями, хотел меня убить?

Сенатор молчал.

– Позвать Тигеллина! – завопил Нерон.

И тогда, задыхаясь, в слезах, сенатор заржал.

– Все кончено, Сенека! Тебя уличил твой друг – мясо и кости сенатора Флава!

Амур захохотал. И Нерон вдруг улыбнулся, обращаясь к Амуру:

– А все делал вид: дескать, не умею играть в метаморфозы. А сам еще как играл! Творил втихую превращение учителя в убийцу своего ученика. Но ты забыл, тварь, что я земной бог. И метаморфозы – это мой удел! И я превращаю тебя, несостоявшийся убийца Сенека, в мертвеца Сенеку!.. Теперь ты понял, за что – моя плата. Точнее, первый взнос. Вся плата выяснится далее. Сегодня у тебя будет длинная ночь, Сенека. Самая длинная в твоей жизни.

И Сенека ответил по-прежнему невозмутимо:

– Я благодарю тебя за плату, Цезарь.

– И еще поблагодари меня за то, что я не забыл твою постоянную дурацкую заботу о том, что скажут о тебе потомки. Именно поэтому я придумал эту идиотскую величественную смерть в ванне среди учеников! Остальное дополнит легенда.

– И за это я благодарю тебя, Великий цезарь, – сказал Сенека.

– Как он показывает нам, – засмеялся Нерон, – что не боится смерти! Ах, Сенека, – он обнял учителя, – я часто наблюдал смерть и скажу: одно дело – представлять смерть, и совсем другое – умирать. Особенно как умирают в наш просвещеннейший век. – И Нерон, уткнувшись лицом в лицо Сенеки, бормотал безумно: – Вот придет Тигеллин... Тигеллин – великий ученый. Он открыл закон.

И вдруг Нерон наотмашь ударил Сенеку по лицу. Старик вскрикнул, но тотчас спохватился. И вновь спокойное гордое лицо Сенеки глядело на Нерона. Нерон усмехнулся:

– Прости, учитель, но ведь промелькнуло, не правда ли? Но это только начало страха... А если с тебя сорвут одежду?

Одним движением Нерон бросил старика на колени. И Амур ловко закрепил его голову в деревянных тисках.

– Зажмут твою голову до хруста, – яростно шептал Нерон, усевшись на корточках рядом с Сенекой. – И обнажат твою тощую задницу! Ну какой может быть героизм в такой позе? Одна боль и стыд. Спроси у Цицерона. И опять, Сенека, опять у тебя промелькнуло. Нет, ты не виновен в этой своей слабости, просто повторяю: есть закон пытки. Его открыл наш верный Тигеллин. Звучит он так: каждый человек, обладающий богатством и почетом, обязательно не выдержит унижения и боли плоти. И чем больше были его достоинства и права, тем скорее. А ты у нас великий богач, один из самых уважаемых людей. Нет, Сенека, вопрос не в смерти, а в том, как наступит смерть. – засмеялся Нерон и поднялся.

Амур освободил голову Сенеки. Нерон помог Сенеке встать и благодушно закончил:

– «Но мы все исследуем» – как любил говорить мудрец Сократ, которым ты перекормил меня в детстве. И только тогда я расплачусь с тобою. Но придется торопиться, чтобы все успеть к приходу Тигеллина. Ведь нам определять, а ему – исполнять плату. За дело!

Амур церемонно подошел к Сенеке с золотым кубком в руках. И, поклонившись, высыпал из кубка ему на голову множество свитков.

– Это и есть, – усмехнулся Нерон, – твои письма к Луцилию. Точнее, выдержки из них. Я составил из твоих писем краткий итог, как ты учил меня когда-то.

Амур наклонился, поднял с арены свиток. И сунул Сенеке.

– Прогляди. Это твои слова? – спросил Нерон.

Сенека как обычно невозмутимо проглядел свиток и бросил его на арену.

– Это мои слова.

– И отлично, – сказал Нерон. – Сейчас ты прочтешь все это вслух. Ну а мои ребята...

И тут Амур вынул из темноты золотую кифару. Наигрывая на кифаре, Амур – какой-то вдруг угловатый, странный – надвигался на Сенеку.

– Что с ним?! – в изумлении воскликнул Нерон. – Неужто?! Да это метаморфоза!.. Свершилась! Сенека, ты узнал? Это он – мой бедный братец Британик, которого я... Смотри, какой худенький, слабенький, с лицом юного бога. Помнишь, как он прелестно пел – мой сводный брат Британик?

И Амур запел.

– Говорят, я был влюблен в него и даже склонил его к греху, – причитал Нерон, лаская Амура. – Все сплетни! Он опять с нами – Британик живой! Британик! Британик! – звал Нерон.

– Неро-он! Нерон! – отвечал Амур. И оба они смеялись.

И, радуясь встрече братьев и тоже смеясь, Венера пошла по арене к Сенеке, вся какая-то новая – величественная, недоступная.

– О боги! И с ней – метаморфоза!.. Ты узнал ее, Сенека? Это целомудренное тело? Вспомнил?.. Как она была чиста! И не потому, что неопытна, а потому, что волей победила свои греховные женские склонности. Ну?! Ну, это же моя жена! Моя бедная Октавия! Ты сам говорил, что она вылитая богиня Веста! Бедная Октавия, я ведь ее... тоже... Октавия! – кричал Нерон. – Октавия! Ты опять с нами!

И вдруг Венера расхохоталась. И разом ее походка изменилась, и бедра начали гулять. Она теснила Сенеку в греховном танце.

– Нет, это уже не Веста! – вопил Нерон. – Это метаморфоза!.. Смотри, праведник, я провожу линию вдоль ее спелой груди, живота, стройных полноватых ног. Получилась волна! Та самая сладострастная волна, из которой она родилась! Да, это – Венера, полная желаний. Это она – моя мама! Ты сам всегда сравнивал маму с Венерой. Я сразу это вспомнил, когда увидел маму нагую со вспоротым животом. Сенека, к нам пришла мама! Мамуля, которую я тоже... Мама! Мамочка! Да, да, они все с нами, Сенека!.. Как прежде.

Из подземелья раздались крики.

– Ну конечно. Мы забыли об этих.

Нерон поволок Сенеку в центр арены. И наклонил его голову к решетке.

В подземелье веселье достигло апогея. Дым благовоний смешивался с копотью масляных ламп, блестели нагие, умощенные тела. Люди валялись на мраморном полу, отяжелев от вина, храпели на ложах, занимались любовью – все это в гоготе, в пьяных криках, столах.

– Эти лежат на шлюхах, жрут, пьют и орут, – зашептал Нерон. – Эти и есть толпа, точнее, великий римский народ, который нас с тобой окружал все эти годы. Теперь, по-моему, собрались все. Можно начинать. Ну естественно, роль Нерона буду играть я. Что ты уставился?

– Я не понимаю, Цезарь, – сказал Сенека. Нерон усмехнулся:

– Помнишь, ты рассказывал мне в детстве историю, как умирал великий цезарь Август? Он собрал друзей, поправил прическу, старая кокетка, и спросил: «Как я сыграл комедию жизни? Если хорошо, похлопайте на прощание. И проводите меня туда аплодисментами». Так и мы с тобой сейчас... в ожидании Тигеллина сыграем комедию нашей жизни... Это нужно тебе, чтобы уйти, и мне, чтобы с тобой сполна рассчитаться. И быть может, проводить тебя туда аплодисментами. Да здравствует театр! Понятно, роль Сенеки будешь играть ты. Для этого я дал тебе твои письма.

– Кто же отважится сказать, хорошо ли мы сыграли комедию жизни? – спросил Сенека.

Нерон подошел к огромной золотой бочке.

За длинные седые волосы он вытянул из бочки человека.

Лицо старика с печальными глазами смотрело на Сенеку в свете факелов.

– Судья в бочке, – усмехнулся Нерон. – Бочку прислал мне с письмом префект Ахайи для завтрашнего, прости, уже сегодняшнего представления. Он пишет, будто этой бочке четыре сотни лет и она всегда стояла на торговой площади Коринфа. Уверяет, что в этой бочке когда-то жил сам Диоген. И с тех пор уже четыреста лет она не пустует: в ней всегда обитает какой-нибудь мудрец. О мудрости вот этого старца ходят легенды. Как тебя зовут? – спросил Нерон старика в бочке.

– Отойди, пожалуйста, ты заслоняешь мне солнце, – ответил старик.

– Но это сказал не ты. Тот, кто произнес это, звался Диогеном, – усмехнулся Нерон.

– Так было, брат, – ответил старик

– Меня следует называть Великий цезарь, – сказал Нерон, легонько ударив его бичом. – А как зовут тебя?..

– Диоген, – ответил старик.

– Перестань паясничать! Как зовут тебя?! – закричал Нерон, избивая старика бичом.

– Я боюсь, ты убьешь его, Цезарь. И все оттого, что плохо освоил мои уроки. Ты забыл, что было много Диогенов. Тот, который первым поселился в этой бочке, видимо, именовался Диоген Синопский. Во всяком случае, я вижу буквы на бочке. Те, кто наносил позолоту на бочку, пощадили эту старую надпись: «Превыше всего – ни в чем и ни в ком не нуждаться». Я когда-то рассказывал тебе, – продолжал Сенека спокойным, ровным голосом учителя, – у Диогена Синопского не было ничего, кроме плаща, палки и мешочка для хлеба.

– Ты сказал! – улыбнулся старик. – Но сначала он имел еще и кружку, брат. Пока однажды не увидел мальчика, который черпал ладонью воду из родника. И Диоген воскликнул: «Сколько лет я носил с собой эту лишнюю тяжесть!» Вот тогда-то он и выбросил свою кружку.

– Ну а потом был Диоген Аполлонийский, выходец с Крита, Диоген Вавилонский, Диоген с Родоса... Так что и он вполне может зваться этим же именем, – закончил Сенека.

– Какой же ты по счету Диоген, старик? Какое у тебя прозвище? – усмехнулся Нерон.

– Я с радостью тебе отвечу, брат.

Ударом бича Нерон прервал старика.

– Великий цезарь, – поправился старик, застонав от боли. – Все Диогены подновляли эту надпись на бочке. Я «Диоген первый, отказавшийся сделать это». Потому что нуждаюсь во всем. И еще меня называют «Диоген, никогда не покидавший своей бочки».

– И почему тебя тянет в это уютное гнездышко?

– Я не могу передвигаться, брат.

И снова последовал удар бича, и снова старик поправился:

– Великий цезарь. У меня перебиты суставы, я могу только ползать.

– Почему ты упорно зовешь меня братом?

– Потому что все люди – братья. Оттого они все нуждаются друг в друге.

– Так вот: я, твой брат, Великий цезарь, открою тебе, как ты будешь именоваться отныне «Диоген последний». Потому что в этой бочке никого и никогда больше не будет.

– Так не может быть, – улыбнулся старик

– Ее сожгут сегодня на рассвете. Ну а пока, Диоген последний, пока ты еще в бочке, смотри в оба! Сейчас ты увидишь великую комедию. Твой брат цезарь примет в ней участие и твой брат Сенека тоже. Согласись, не каждый день увидишь подобных актеров. Ну как, учитель, ты согласен на такого судью? – обратился Нерон к Сенеке.

– Как повелит цезарь.

– Тогда начинай. Читай свои письма. Ты прости, я осмелился убрать из них кое-какие длинноты. Ты пишешь красиво, но старомодно. А мы живем в торопливый век. Но, конечно, ты волен все восстановить в своем чтении. Ведь это ты играешь Сенеку!

Сенека задумался. А потом медленно раскрыл свиток и бесстрастно, будто читая чужое, начал:

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, как я сделался воспитателем цезаря? Начну по порядку. Цезарь Нерон родился в Акции в восемнадцатый день до январских календ».

С диким воплем Нерон упал на арену к ногам Венеры. Голова его торчала между ног Венеры. Сенека в изумлении следил за ним.

– Чего уставился? – засмеялся Нерон. – Это моя роль! Я рождаюсь! Девять месяцев в утробе матери я жил ее похотливыми гнусными мыслями. И вот – воля! Я есть!

Сенека бесстрастно продолжал:

– «Когда Нерон родился, его отец, прославившийся гнуснейшими злодеяниями, воскликнул: «От меня с Агриппиной ничего не может родиться, кроме злополучия!..».

Нерон усмехнулся.

– «Отец Нерона скончался от водянки, оставив малолетнего сына и жену Агриппину. Агриппина, которая была в ту пору в возрасте цветущей женщины, позволяла старому цезарю Клавдию пользоваться ее ласками», – читал Сенека.

...Как видение, мелькнуло перед ним прекрасное женское лицо – и рядом одутловатое бабье лицо старика.

– «Когда же она сумела вступить в права законной супруги, то заставила старого цезаря усыновить Нерона и объявить его своим наследником. На одиннадцатом году жизни Нерона мне предложили стать его воспитателем. И я согласился».

...Тихий кроткий мальчик целует руку Сенеки.

– Ты много написал о моем роде, – усмехнулся Нерон. – За одну десятую Тигеллин сажает на кол. Зачем же ты сделался моим воспитателем, если от отца с матерью ничего не могло родиться, кроме злополучия?

– Я надеялся, Цезарь.

– Ты надеялся! Что плод волчьей любви можно превратить в домашнего пса? – засмеялся Нерон.

– Ты прав, Цезарь, это следует уточнить, – бесстрастно сказал Сенека. – Я думал тогда о Риме, о будущем государства. Я возмечтал воспитать юношу, уважающего сенат и наши древние законы! Который покончит навсегда со страшными временами прошлых деспотов – цезарей Тиберия, Калигулы и Клавдия. Душа моя жаждала уединения, но я отдал ее во власть суеты ради будущего Рима.

– Благородно!.. Но мы все это проверим, не так ли? Продолжай, учитель.

– «Однажды мать Нерона, Агриппина, – читал Сенека, – попросила меня привести к ней прорицателей-халдеев. Я привел. На ее вопрос о судьбе сына один из прорицателей ответил».

...Старик с лицом Зевса с греческой скульптуры стоял в покоях императрицы.

– Он будет царствовать, но он убьет свою мать, – сказал старик.

– Пусть убивает, лишь бы царствовал, – шептала в ответ прекрасная женщина...

– «И вскоре, подстрекаемая неистовой жадной власти, Агриппина отравила старого цезаря Клавдия, чтобы возвести на престол сына», – невозмутимо читал Сенека.

И с воплем Нерон опять упал на арену. Он в судорогах катался по опилкам. В ужасе глядел на него Сенека. И, как собаки подхватывают лай, этот вопль тотчас подхватили люди из подземелья. Неистовые крики раздавались из-под земли.

– Слышишь! Они кричат! Они уже поняли: мама убила Клавдия. Они убьют ее! И меня! Я боюсь! Я боюсь! – вопил Нерон. – Что ты уставился? – спросил он Сенеку, поднимаясь как ни в чем не бывало с арены. – Будто забыл, как я вопил тогда в страхе? И что ты мне ответил? Это не записано в твоих мудрых письмах. Но нам с тобой все нужно знать – для точной оплаты твоих трудов. Что ты сказал тогда?

– «Не бойся, Цезарь, они кричат то, что всегда кричит римская толпа после смерти своих цезарей: “Цезарь Клавдий умер! Да здравствует цезарь Нерон!”»

– Но ты еще кое-что прибавил. Я жду!

– «И запомни, – невозмутимо продолжал Сенека, – никто не убивал цезаря Клавдия. Это дурные слухи, которые всегда возникают после смерти властителей. Твой отчим отравился грибами – и все!..». Я сказал это, потому что ты, мальчик, не мог тогда понять всех отвратительных сложностей жизни. Тебя надо было успокоить. Ты успокоился, вышел к гвардейцам и произнес речь.

– Ну-ну-ну! Я по-прежнему вопил. – И он вновь бросился на арену и закричал: – «Мать убила отчима! Я знаю, и все они знают! Я боюсь! Я не смогу сказать речь!..». Неплохо сыграно, не так ли? – расхохотался Нерон, поднимаясь с арены. – Великий актер Нерон!.. И что ты ответил мне, Сенека?

Сенека молчал.

– Да, ты промолчал, – усмехнулся Нерон. – И молча протянул мне написанную речь. И я понял: ты все знал! И написал эту речь заранее. Кстати, речь оказалась отличной. Речь – что надо! – И он взглянул на сенатора.

– «Гвардейцы! Я, ваш цезарь». – тотчас темпераментно начал сенатор.

– Не надо! Все речи одинаковы, – усмехнулся Нерон. – Давай сразу – что они завопили после моей, то есть его речи?

– «Цезарь Клавдий умер. Да здравствует цезарь Нерон!» – двадцать раз! «Мы всегда хотели такого цезаря, как ты!» – двадцать раз. «Ты наш цезарь, отец и брат! Ты великий сенатор и истинный цезарь!» – сорок раз! – кричал сенатор.

– Да, да, – шептал Нерон. – Вот с этими воплями приветствий они несли меня в сенат. Я помню: белый страх... и ржание лошадей...

И Сенека увидел: Нерон плыл на руках гвардейцев среди поднятых мечей и бронзовых римских орлов.

– И я вышел из сената – цезарь, осыпанный всеми почестями. Только звание «Отец отечества» я отклонил. Чтобы все поняли, как скромненький новый цезарь. Так мне посоветовал учитель Сенека, ловчила Сенека. Продолжай!

И вновь Сенека бесстрастно читал:

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, правду ли говорят, будто я сочинил речь для цезаря? Нерон познал все тонкости эллинской философии, у него блестящая память – надо ли мне за него сочинять?»

Нерон засмеялся.

– Я хотел, чтобы нового цезаря любили в Риме, – глухо сказал Сенека. – И еще – ты не хотел, чтобы в Риме не любили тебя.

– Продолжай! – ответил Нерон.

И Сенека продолжал свое бесстрастное чтение:

– «Я уверен: цезарь вырастет добродетельным юношей и уйдут в невозвратное прошлое страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия. И пусть слухи о сомнительных выходках молодого цезаря не лишены оснований – будем надеяться, что все это минет с возрастом. Хотя не могу не сказать с сожалением, что молодой цезарь поддается дурным влияниям. Особенно всех тревожит недавнее появление при дворе некоего Софрония Тигеллина».

При этих словах Амур изобразил совершеннейший ужас – и они с Венерой попятились в темноту.

– Вот и пришел Тигеллин, – забормотал Нерон.

– «Этот Софроний Тигеллин, – продолжал читать свиток Сенека, – недавно вернулся из ссылки. Он был отправлен туда еще в правление цезаря Клавдия за то, что обольстил юную Агриппину, мать Нерона. К общей печали, цезарь назначил Софрония Тигеллина, запятнавшего себя бесчисленными пороками, начальником тайной полиции. И теперь имя Тигеллина постоянно на устах молодого цезаря».

Нерон засмеялся.

– «Отмечу любопытную подробность: Тигеллин никогда не появляется на людях. Его нигде никто не видит. Он живет затворником в собственном дворце, ибо болен общей манией всех злодеев – постоянным страхом покушения на свою проклятую жизнь».

– Как интересно, – прервал Нерон. – Это твое письмо найдено у консула Латерана. Но ведь консул жил в Риме. Он знал о Тигеллине столько же, сколько и ты. Зачем же ты пишешь ему то, что он отлично знает?

Сенека безмолвствовал.

– Это не просто письма, – зашептал Нерон. – Ты писал их для потомков!.. Это твое оправдание, тщеславный учитель. Как я тебя знаю!.. Тебя так никто не знает!.. Продолжай!

– «И все-таки я с верой гляжу в будущее, – спокойно продолжал Сенека. – Я надеюсь, что воспитание, которое получил цезарь, возьмет свое. Нерон перебесится – и Рим получит Великого цезаря. Главное уже достигнуто: Нерон желает стать первым цезарем, который вернет римскому сенату права и власть, отнятые Тиберием, Калигулой, Клавдием».

– Но Тигеллин сказал... – начал Нерон и остановился. – Кстати, кто представит Тигеллина в нашей комедии? Ты с ним так и не встретился?

Он уставился на Сенеку.

– Нет, Цезарь.

– Ни разу?.. Ай-ай-ай! Столько лет живете в Риме бок о бок – и не сумели повидаться! Значит, роль Тигеллина может сыграть любой: Сенека не знает его лица.

Амур выскочил из темноты:

– Я – Тигеллин! – И он сделал свирепое лицо и расхохотался.

– Скоро придет сам Тигеллин, – улыбнулся Нерон. – И с успехом сыграет свою роль. Так что спешите читать, Сенека.

– «Главное – терпеливо и непрестанно объяснять Нерону, в чем он не прав. Недавно мы долго сражались с цезарем из-за его поздних возвращений и ночных бесчинств».

...Нерон – в грязном рубище, в колпаке вольноотпущенника с компанией таких же переодетых знатных молодых бездельников. Они набросились на подвыпивших людей, выходящих из кабака. Они бьют палками беззащитных людей, топчут их ногами. Вопли, крики боли и хохот цезарской шайки.

– Ну, немного побесчинствовал... – вздохнул Нерон. – Ну, попугал запоздалых горожан. Ну, убил двух-трех в драке. Разве лучше, если б они меня убили?

Сенека печально посмотрел на Нерона.

– Да, да, – сказал Нерон. – Вот так же укоризненно ты смотрел на меня тогда, учитель. И мать. А Тигеллин – никогда. Ах, Сенека, ты любил меня за власть, которую я дам тебе и римскому сенату. Мать – за власть, которую я ей уже дал. И только Тигеллин любил меня ради меня самого. Кстати, Тигеллин сказал... что мать повсюду объявляет: коли я по-прежнему буду бесчинствовать, а также следовать твоим советам в государственных делах, я перестану быть Цезарем! Она заменит меня братом Британиком... – Нерон помолчал и добавил тихо: –

Я произнес все это, и посмотрел на тебя. И ты все понял, потому что трудно не понять взгляд волка. Что ты мне ответил тогда?

Сенека молчал.

– Точно! Промолчал, добродетельнейший из смертных!.. А потом мы встретились на дне рождения Британика. Как он пел в тот день...

Амур с золотой кифарой в руках вышел из темноты. И запел.

– А потом Британик захотел пить, – сказал Нерон.

И Сенека вновь увидел всю сцену, как тогда со своего ложа. Предвкушатель поднес Британику горячее питье. Британик отпил глоток и попросил остудить. Предвкушатель, усмехаясь, долил в питье воду и поднес кубок Британику.

На арене Нерон протянул кубок Амуру. И Амур выпил – до дна.

– А мы с тобой продолжали нашу беседу, учитель. И конечно, о добродетели, как всегда. Ты закончил тогда книгу, написанную специально для меня, – «О долге цезаря». В тот вечер ты читал мне начало. Ну, вспомни свои слова! И тогда вернется моя цветущая юность! Ах, это возможно только в театре! Спешите видеть: величайший артист Нерон и артист Сенека играют сегодня Комедию жизни! – И добавил строго: – Я жду!

И Сенека, стараясь оставаться невозмутимым, начал:

– «Сила цезаря – в его умении служить своему народу!»

Нерон одобрительно кивал, и Сенека продолжал:

– «И чтобы страшные ушедшие времена Тиберия – Калигулы – Клавдия никогда не повторились, цезарь обязан научиться уважать человека. Отныне и навечно: человек для человека должен стать святыней!»

И тогда раздался вопль Амура. Амур упал на арену и в муках и судорогах катался по сверкающим опилкам.

– Да! Да! – сочувственно сказал Нерон. – Все произошло при этих замечательных словах.

Амур затих.

– Мертв? – в ужасе прошептал Сенека.

Нерон засмеялся:

– Но Британик был тоже мертв!.. Я не пожалел царственного брата – зачем мне жалеть этого порочного раба?.. Ты все никак не можешь понять, учитель: мы всерьез играем Комедию жизни.

– Я не хочу умирать!.. Я не хочу! – закричала Венера.

– Да, да, вот так же кричала мама, глядя на мертвого Британика...

Венера упала на колени, она обнимала ноги Нерона:

– Я боюсь! Я не хочу!

– Ну – точно! Вылитая мама! Как она испугалась, бедняжка, в тот день. Продолжай, Сенека. А мы займемся уборкой тел.

И, оттолкнув Венеру, он поволок с арены во тьму легкое тельце Амура.

И вновь бесстрастно читал Сенека:

– «Луцилий! Чем дороже груз, которым владеет путешественник, тем более он заботится о спокойствии воли и благодарен Нептуну за это спокойствие. Так и философ: ему нужен мир в государстве, чтобы размышлять в покое, – и он благодарен тому, кто дарует этот мир. Вот отчего я так забочусь о силе цезаря и славлю его власть!»

– Я не хочу! Я не хочу! – ползала по арене Венера.

– «Ты пишешь, – продолжал невозмутимо Сенека, – что он истребляет свою семью? Зато в его правление не подвергается посягательствам жизнь и свобода частных граждан. Зато

совершенно исчезли политические процессы. А вспомни страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия!»

– Как я люблю эту твою присказку, – улыбнулся Нерон.

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, справедливы ли слухи об убийстве Цезарем Британика? Надеюсь, что нет. Но даже если так? Каков выход? Принять сторону его матери, мечтавшей заменить Цезаря слабовольным, юродивым Британиком и властвовать самой? Но это означало бы вновь вернуть Рим в страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия».

– Но Тигеллин сказал, – начал Нерон и зашептал, указывая на Венеру. – Это все она! Мать! Мать натравила меня на Британика! Брат – ее жертва!

И Сенека вновь увидел Нерона тогда, в анфиладах дворца. И услышал его отчаянный шепот: «А знаешь, зачем она это сделала? Чтобы Рим узнал и меня ненавидел! Но Тигеллин сказал: она плетет заговор. Тигеллин сказал: мать подойдет ко мне убийц!»

– И что ты мне на это ответил тогда, Сенека? – спросил Нерон.

– Я боюсь! Боюсь! – кричала Венера.

Сенека молчал.

– Да, промолчал, опять промолчал, все прочитав в глазах волка. Бедная мама, ты помнишь, как это было.

– Не надо! Я не хочу! Я боюсь! – визжала Венера.

– Успокойся, шлюха, – усмехнулся Нерон. – Я не видел, как убивали маму. Мама! Я ее любил. Презирал, боялся – и любил!.. И когда ты молча согласился на ее убийство – вот тогда я до конца тебя возненавидел! Ах, Сенека, какая это была женщина! Сколько я совершил покушений на ее жизнь? И она все-все избежала! Интуиция! И как живуча! Ну – кошка! В тот день она навестила меня на вилле, и я посадил ее на корабль. Корабль должен был развалиться в открытом море. И развалился. Но мама выплыла... Вот тогда я послал к ней убийц. Помнишь – осень, мы с тобой сидим у нашего камелька. Ты, как всегда, беседуешь со мною о добродетели. А я жду известий о маме. Знаешь ли ты, что такое ждать убийства матери? – И Нерон опустил ся у ног Сенеки и шептал: – Не оставляй меня, учитель! Говори! О путях самосовершенствования! Ну! Как тогда! Говори!!!

Сенека глухо начал:

– Есть три пути самосовершенствования. Путь размышления – самый благородный.

– Ах, как мудро!

– Путь подражания – самый легкий. И путь опыта – самый трудный.

– Да. Да. А я представлял: они уже отворяют двери в ее покои.

...И центурион обнажил меч. Прекрасная женщина не защищалась. С достоинством обратилась она навстречу оружию:

– Бей в чрево, которое его выносило.

– Движение руки с мечом – и последний вопль.

– Не надо, – вопила на арене Венера. – Я боюсь!

Нерон ползал у ног Венеры, обнимал ее ноги, шептал:

– Мама. Бедное чрево. Я убил маму.

Он повалил Венеру в сверкающие опилки, он осыпал ее поцелуями.

– Мама. Тебя нет!.. Посмотри, какая у нее грудь, Сенека! Мама была Венера! А как она хотела царствовать! Она боялась моих баб. Она так хотела царствовать, что ложилась со мною в одни носилки! Она соблазняла меня!

– Замолчи, Цезарь!

– А ты опять не выдержал, – засмеялся Нерон. – Да, мама лежала мертвая, а я стоял над нею. и, хохоча и плача, обсуждал ее прелести. Но боги молчали. Почему они всегда молчат? Может, они, как и ты, молча одобряли? Ну, судья, брат Диоген последний, почему не ударила молния в нечестивца?

– Ты – сказал?.. – ответил старик в бочке.

– Не понял! – усмехнулся Нерон и с размаху, страшно ударил его бичом.

– Не бей его, Цезарь. Он все объяснил, – сказал Сенека. – Он считает, что видимый мир – это всего лишь наше испытание.

– Я не знаю, то ли он сказал. Но ты, Сенека, как всегда, промолчал... И мы учтем это, определяя твою плату, – усмехнулся Нерон.

Из подземелья неслись негодующие крики.

– Ты слышишь, Сенека? – взвизгнул Нерон. – Они пришли за мной! Весь город знает: я убил маму! Весь Рим на ногах!

Крики из подземелья раздавались все громче, и Нерон бросился к центру арены.

– Когорты окружают дом! Они приговорят меня к казни матереубийц: они посадят меня в мешок с собакой, змеей и обезьяной! И сбросят в Тибр! Я боюсь!.. А все Тигеллин. Это он натравил меня на маму! И ты это тоже хотел! Вы оба меня с ней ссорили! «Я боюсь!» – Нерон засмеялся. – Так я вопил тогда.

Он взглянул вниз – сквозь решетку.

Опустел пиршественный стол, пустые кубки валялись на мраморном полу. Люди кричали и били пустыми кубками по гулкому полу.

– Ну конечно! Им забыли добавить жратву и питье. И они негодуют, – усмехнулся Нерон, обращаясь к Амуру.

Амур бросился в темноту – исполнять приказание.

– Сейчас, миляги, сейчас, сердечные. – Нерон уже обращался к Сенеке: – И что ты мне ответил тогда?

– «Все обойдется, Цезарь. Я написал твою речь, – спокойно сказал Сенека. – Сейчас войдут сенаторы, и ты прочтешь. Они ненавидели твою мать. Они будут с тобою, Цезарь».

Нерон взглянул на сенатора, и сенатор тотчас прокричал речь:

– «Раскрыт заговор. Было решено убить цезаря и уничтожить великий сенат. Можно сжечь Рим, но можно его отстроить заново. Ибо не камни составляют душу Рима. Жив римский народ, и величаво стоит Рим – пока жив сенат. С болью и печалью сообщая вам, сенаторы, что во главе заговора стояла наша мать Агриппина».

– Грандиозно! С каким чувством я прочел твою речь!

Сенатор завопил:

– «Да сохранят тебя боги для нас, Великий цезарь!» – десять раз. «Мы всегда желали такого цезаря, как ты!» – десять раз. «Ты наш цезарь, отец, друг и брат! Ты хороший сенатор и истинный цезарь!» – двадцать раз. Сенаторы! Предлагаю поставить дары в храмах за спасение цезаря и отечества!

Из подземелья уже раздавались восторженные крики.

– А ты прав, Сенека! Против меня проголосовали только трое сенаторов. Утром их нашли с перерезанным горлом. Говорят, разбойники. – И он обнял Сенеку. – А вообще я рад, что мамы больше нет. Теперь наконец-то я смогу спать с Поппеей Сабинной. Мама не любила ее! Я знаю, ты тоже. О ласки Поппеи Сабинны! О ее тело! Согласись, Сенека, она очень похожа на маму – ну совершеннейшая Венера. – И он притянул к себе Венеру, и тоже обнял ее – другой рукой. – Прекрасная Поппея... Знаешь, Сенека, она уговаривает меня убить мою жену, добродетельную Октавию. Кстати, Тигеллин сказал.

– Октавия была прекрасная женщина! – тихо сказал Сенека.

– Да, да, ты всегда любил Октавию. Но знаешь ли, старик, что такое ночи Поппеи Сабинны? Мое сердце разбито! О сердце артиста! Я решил вернуться к игре на кифаре. Представляешь, Сенека, пока я был занят – убивал маму, сколько лавровых венков нахватили мои соперники! Опять у тебя недовольное лицо. И Поппея тебе не нравится, и кифара. А знаешь, Сенека, я убил маму, чтобы впредь не видеть вокруг себя недовольных лиц. И чтобы ты не докучал мне

своей перевернутой рожей, я отправлю тебя отдохнуть на курорт в Байи. Полечись в Байях, Сенека! Наш писатель, наш классик Сенека. Прости, ты еще не классик. Чтобы стать классиком – нужно умереть. Читай!

Сенека невозмутимо читал свиток:

– «Дорогой Луцилий! Агриппина была ужасная женщина, и хотя смерть ее тоже ужасна, как всякая насильственная смерть, – но, выбирая между двумя ужасами, мы, граждане, не смеем не думать о благе отечества. Победы Агриппина – и тотчас вернулись бы страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия. Поэтому восславим судьбу за победу цезаря! Ты пишешь о слухах, об убийствах сенаторов, голосовавших против Нерона. Нам пристало думать не о слухах, а о пользе отечества. Это порой так нелегко, поверь. Ты пишешь, что цезарь все свирепеет и злодеяния его все ужаснее. Да, он бесноватый гуляка, но это природное свойство его природы. Я хорошо изучил его и знаю: чтобы его унять, надо терпеть. Только терпимость и нравственные беседы размягчают его душу. Надо помнить, что рядом с ним стоит страшная тень Тигеллина, потворствующая его порокам. И хотя этот маньяк Тигеллин до сих пор не показывается на людях, я знаю, они видятся с цезарем каждый день. Сколько усилий и красноречия надобно тратить в борьбе за душу цезаря. О, если бы не судьбы отечества, я давно покинул бы постылый Рим».

Нерон слушал Сенеку. И ласкал, ласкал Венеру. Нежный смех Венеры раздавался в ночи.

– Ну продолжай, Сенека. – шептал Нерон.

– «Как я счастлив теперь в Байях, хотя приходится терпеть много неудобств, столь обычных для наших модных курортов. Моя гостиница расположена прямо над лечебными водами. С утра пораньше под моим окном здоровые – шумно занимаются гимнастикой, больные – стонут, служители – с криками мчатся с полотенцами, и кто-то с воплями бьет вора, укравшего чужое платье. Ночью меня будят крики с озера – там до утра раздаются визг женщин и похабные крики мужчин. Да, наши замужние Пенелопы недолго носят на курорте в Байях свои пояса верности... Но все искупают часы заката, когда краски неярки, но прекрасны. При виде догорающего солнца, умирающего дня покой и гармония объемлют душу. И вновь постигаешь: нет, мы не умираем – мы только прячемся в природе! Ибо дух наш – вечен. Ох, побыстрее бы в гавань! Чего желать? Что оплакивать в этом мире? Вкус вина, меда, устриц? Но мы все это извели тысячи раз! Или милости Фортуны, которые мы, как голодные псы, пожираем целыми кусками – проглотим и вкуса не почувствуем? Все суета! Пора! Прочь из гостей! В гавань! В гавань!»

– Но Тигеллин сказал, – нежно засмеялся Нерон, лаская Венеру, – я не смогу жениться на Поппее Сабине, пока жива моя жена Октавия. С Октавией нельзя развестись: она принадлежит к роду цезарей.

– О боги! – прошептал Сенека.

– О тело Поппеи Сабини! – улыбался Нерон, все лаская Венеру. – Она лежит в ванне, с лицом, намазанным особым тестом, замешенным на ослином молоке. Это – для блеска кожи. С кусочками мастикового дерева во рту. Это – чтобы дыхание ее благоухало.

И, отвечая на ласки Нерона нежным смехом, Венера вдруг выскользнула из его рук.

– Она не пускает меня на ложе! – завопил Нерон. Венера смеялась.

– Ты не станешь спать с цезарем, пока жива Октавия?

Венера хохотала.

– Какая мука! – И Нерон зашептал Сенеке: – Но Тигеллин сказал.

И тотчас Венера приникла к цезарю.

– Гляди, учитель, она сразу стала веселой, счастливой, моя Поппея Сабина. Ну, читай, читай свое письмо об Октавии. Моя Поппея жаждет!

– «Луцилий! – Сенека по-прежнему старался читать бесстрастно. – Страшное известие поджидало меня по возвращении из Байев: по приказанию цезаря убита добродетельная Октавия».

Венера смеялась, Венера ворковала.

– О счастье! О радость! – кричал Нерон. – Поппея дозволила себя ласкать. О ласки Поппеи Сабини! Ну читай, читай! Ей так нравится это твое письмо!

– «Несчастной Октавии перерезали вены на руках и ногах, – монотонно читал Сенека. – Но от страха ее кровь оледенела в жилах и не сочилась из ран. И тогда, чтобы ускорить смерть Октавии, ее отнесли в горячую баню. Как она молила о жизни! Но тщетно: она была виновна в том, что цезарь желал жениться на Поппее Сабине..».

Нерон ударил бичом.

Сенатор заржал и яростно завопил:

– Сенаторы! Великий цезарь уличил свою жену Октавию в прелюбодеянии с жалким рабом и в заговоре против сената. «Да здравствует цезарь! Да сохранят тебя боги для нас!» – тридцать раз. «Мы всегда желали такого цезаря, как ты!» – тридцать раз. «Ты наш отец, друг и брат! Ты хороший сенатор и истинный цезарь!» – шестьдесят раз.

Он заржал и замолк.

Сенека неподвижно стоял на арене со свитком в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.